

ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380

EDN: ROXFCM

УДК 82-93

Обзорная статья / Review

Синкретичность творчества М.Ю. Левидова

И.А. Фатеева¹, А.С. Гаврилов²

¹Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

 fateevafia@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются такие особенности словесного творчества М.Ю. Левидова, как разносторонняя продуктивность и синкретизм письма. Утверждается, что данные качества как некая творческая константа были присущи его печатной продукции на протяжении всей жизни. Чтобы обосновать данный тезис, проведена периодизация творчества писателя и выделены в нем три периода: 1) дооктябрьский (1914–1917); 2) годы наибольшей активности (1918–1931); 3) предсмертное десятилетие (1932–1942). Протестировав каждый из периодов на предмет совмещения в них таких видов деятельности М.Ю. Левидова, как журналистика, литература, критика, наука, педагогика, авторы пришли к выводу, что уже на раннем этапе Левидов проявлял авторскую активность в области литературы, критики и газетной журналистики; в зрелости к этим сферам прибавились наука и педагогика, а критическая деятельность достигла уровня «цветущей сложности». В последнее десятилетие, в силу неблагоприятных общественно-политических условий, сфера приложения творческой энергии Левидова была вынужденно сужена: теоретические работы прекращены, а практическая деятельность сфокусирована на литературном творчестве, причем наиболее приемлемым форматом становится биографическая проза. В ней синкретичность текста достигла своего апогея.

Ключевые слова: журналистика, литература, критика, наука, газетоведение, синкретизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. И.А. Фатеева – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. А.С. Гаврилов – сбор данных и анализ материала.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

© Фатеева И.А., Гаврилов А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Фатеева И.А., Гаврилов А.С. Синкретичность творчества М.Ю. Левидова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 372–380. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380>

Syncretic nature of of M.Yu. Levidov's creativity

Irina A. Fateeva¹, Alexander S. Gavrilov²

¹*Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation*

²*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

 fateevafia@gmail.com

Abstract. Such features of M.Yu. Levidov's verbal creativity as versatile productivity and syncretism of writing are considered. These qualities, as a kind of creative constant, were inherent in his printed products throughout his life. To substantiate this thesis, the authors conducted a periodization of the writer's work and identified three periods in it: 1) the pre-October period (1914–1917); 2) the years of greatest activity (1918–1931) and 3) the last decade (1932–1942). Having tested each of the periods for combining such types of M.Yu. Levidov's activities as journalism, literature, criticism, science, pedagogy, the authors came to the conclusion that already at an early stage Levidov showed authorial activity in the field of literature, criticism and newspaper journalism; in maturity, science and pedagogy were added to these areas, and critical activity has reached the level of “blooming complexity”. But in the last decade, due to unfavorable socio-political conditions, the scope of application of Levidov's creative energy was forced to be narrowed: theoretical work was discontinued, and practical activity was focused on literary creativity, with biographical prose becoming the most acceptable format. In this genre the text's syncretism has reached its apogee.

Keywords: journalism, literature, criticism, science, newspaper studies, syncretism

Author's contribution. *Irina A. Fateeva* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Alexander S. Gavrilov* – data collection and analysis of material.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Fateeva, I.A., & Gavrilov, A.S. (2024). Syncretic nature of of M.Yu. Levidov's creativity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 372–380. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380>

Введение

Значение творчества М.Ю. Левидова для отечественной культуры бесспорно. Однако чем дальше уходит в прошлое его эпоха, тем чаще в центре внимания оказываются не его произведения, а его личность – освещаются участие Михаила Юльевича в переломных для страны событиях, его близкие контакты со знаковыми фигурами первой половины XX в., его «жизнь и судьба» в контексте развития тех сфер, к которым он был причастен (художественной и документальной прозы, драматургии и театра, журналисти-

ки и публицистики, кинематографа, медиаменеджмента, науки, педагогики, ораторского искусства, разных видов критики). Между тем несомненную ценность представляет собственное творчество М. Левидова: в нем выпукло проявились специфические черты «креативных индустрий» его времени, среди которых особого внимания заслуживает изощренный синкретизм письма, который и обеспечил ему широту реализации и признания.

Данная особенность неоднократно обращала на себя внимание экспертов. Так, Я. Березницкий в 1960-е гг. указывал на «сочетание строгой научности с беллетристичностью» (Березницкий, 1967) в его романе о Свифте, а современные исследовательницы Е. Елина и А. Раева относят Левидова к числу деятелей словесности 1920-х гг., подтвердивших тезис о том, что «труд писателя и труд журналиста имеют общие корни, что литературно-художественная и журналистская деятельность – результат одного и того же творческого процесса» (Елина, Раева, 2018, с. 219). Но при отсутствии крупных монографических работ, посвященных Левидову, остается вопрос – проявлялась ли отмеченная особенность на протяжении всей его творческой жизни либо только в те периоды, в которые она фиксировалась исследователями? Цель статьи авторы видят в попытке ответа на данный вопрос.

Периодизация творчества М. Левидова

Для начала необходимо провести детальную периодизацию творческой деятельности Левидова, взятой в пределах тех отраслей культуры, в которых его вклад уже описан (литература, критика, журналистика, наука, педагогика). Представляется логичным и обоснованным – как с общеисторической, так и с биографической точек зрения – выделить в жизни интересующей нас персоны три периода: 1) дооктябрьский; 2) годы наибольшей активности (1918–1931) и 3) предсмертное десятилетие. Протестируем каждый из периодов на предмет совмещения в них вышеперечисленных видов деятельности М.Ю. Левидова.

1914–1917. Уже первый этап биографии оставил значительные и легко поддающиеся учету результаты благодаря сотрудничеству молодого литератора в изданиях круга А.М. Горького: ежемесячном «толстом» журнале «Летопись» (1915–1917) и ежедневной газете «Новая жизнь» (1917–1918). Издания хорошо изучены, хотя работ, посвященных персональному участию в них Михаила Юльевича, нет. Легко атрибутируются 11 публикаций Левидова в журнале и более 30 его работ в газете. По природе это разные тексты: в журнале – литературно-критические статьи (с пристрастной оценкой произведений И. Шмелева, А. Ремизова, В. Вересаева, Л. Андреева и др.), а в газете, требовавшей, в первую очередь, бесстрастной фиксации разворачивавшихся на глазах исторических событий, – преимущественно репортажи. При этом под пером Левидова ситуативный репортаж нередко переходил в тематический, а далее – в аналитическую статью или политический фельетон.

Не вдаваясь в конкретное содержание текстов, зафиксируем то, что представляется важным в свете поставленной нами проблемы: уже в ранний период Левидов выступал (на самом деле не только на страницах «Летописи»

си» и «Новой жизни») в разных творческих амплуа – в роли литературного критика и газетного журналиста. Стоит также иметь в виду, что до 1915 г. он пробовал себя в художественной прозе – писал рассказы. Таким образом, в рамке взятых для рассмотрения областей культуры нам оказывается нечего сказать применительно к дооктябрьскому периоду, фактически только о Левидове как теоретике и преподавателе.

1918–1931. Зато уже в самом начале второго периода он уверенно выступил и на научно-педагогическом поприще. Речь идет об известном образовательном проекте РОСТА – корпоративных курсах его московского отделения, из которых вскоре вырастет специальное структурное подразделение агентства, а из него, в свою очередь, – самое раннее учебное заведение для журналистов в системе отечественного формального образования (Институт журналистики в Москве, ГИЖ). Зафиксировано, что первому набору курсантов РОСТА осенью 1918 г. Левидов читал лекцию о зарубежной печати (Привалов, 1982, с. 10–11).

Нам не известно ее содержание, зато понятно, в каком направлении развивался далее Левидов-теоретик. Обладая острым умом и европейской образованностью, он осуществлял аналитическую деятельность в нескольких гуманитарных областях – журналистике; литературе и искусстве; истории. Однако не всегда результаты его теоретизирования соответствовали форматным стандартам и получали признание «ученого сословия», хотя такие случаи и бывали. Например, его книга по истории интервенции в России, представлявшая собой исследование введенного им в научный оборот богатейшего «официального, официозного и газетного материала» (Левидов, 1925, с. 5) иностранного происхождения, была «включена в рекомендательные списки учебно-исторической литературы» в СССР¹.

Но чаще современная автору наука не замечала его усилий, отстраняясь от неакадемических по форме, хотя и новаторских по содержанию работ, и они надолго оставались фактами только публицистического дискурса. Так было, например, со статьей «Организованное упрощение культуры». Слишком неожиданными и провокативными казались ее тезисы тогда, и лишь нынешняя гибридная и цифровая эпоха актуализировала их эвристический и прогностический потенциал. Не менее значимы работы Левидова о кино, которое он считал «единственным строго целевым искусством», «всегда социально значимым, для всех слоев человечества», единственным «искусством для масс», которое при этом не является «суррогатом, с точки зрения эстетической» (Левидов, 1927, с. 21–25).

На сегодня можно считать признанными его научные заслуги в рамках газетоведения (хронологически первого отечественного направления в области журналистики). Существенным вкладом в него является книга Левидова «Информация в советской прессе (к постановке проблемы)», положившая в СССР начало теории информации и медиадетальности. Чем новостной журналистский материал отличается от всех других типов текстов? Какова его специфика? В каких случаях текст информационного жанра мо-

¹ Биография М.Ю. Левидова // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3607. Л. 2.

жет быть признан успешным? Вот вопросы, на которые искал ответы Левидов-газетовед.

Его разработки в области газетоведения, опиравшиеся на достижения наиболее значимых национальных школ, находились на уровне мировой науки. Советское газетоведение пыталось решать вопросы из сферы информации с особых (классовых, марксистско-ленинских) позиций, что, кстати, вызывало известный интерес иностранных коллег. Но Левидов в своих концептуальных построениях оказался в положении «между», не солидаризуясь до конца ни с «буржуазными газетоведами», находившимися на точке зрения социального объективизма, ни с советскими коллегами, слишком прямолинейно пытавшимися вписать журналистскую деятельность в матрицу формирующейся в СССР идеологической доктрины и базирующейся на ней пропаганды.

Определяя газетную информацию как «ряд сообщений о случившемся в определенный промежуток времени и в определенных пространственных рамках», Левидов не приемлет ее репрезентации в форме простой «регистрации фактов», но при этом протестует и против «агитации штампами, казенными клише, сбитыми общими местами». Он выдвигает в качестве главного критерия «активного отбора» жизненных фактов в газету их «интерес для читателя», при этом дальнейшую их обработку, по его мнению, надо вести «таким образом, чтобы этот интерес возрастал». Для «усиления индивидуальной заинтересованности» читателя теоретик прописывал советской журналистике такой рецепт: необходимо уйти от «противоположения политики и быта», отказаться от «боязни жизни как таковой», от отсутствия в прессе «человеческих историй», от «системы канцелярско-ведомственной тайны» (Левидов, 1925, с. 15, 30, 35–36). Вместо сухой регистрации фактов или набивших оскомину лозунгов Левидов провозглашает в качестве императива для прессы «политику фактами» (как вариант: «агитацию фактами»); и эти две формулировки закрепятся в газетоведении в качестве маркеров теоретической концепции Левидова (Фатеева, 2020, с. 42). Она широко использовалась в преподавательской практике всех предназначенных для сотрудников СМИ образовательных учреждений страны – высшего (Фатеева, 2017, с. 64–72), среднего (Фатеева, 2008, с. 35–45) и начального уровней. Сам же ее создатель в 1920-е гг. трудился в столичном ГИЖе, ведя там «Правку материала», «Публицистику», «Технику газетного дела», «Иллюстрированный журнал», причем по последнему из курсов состоял в вузе председателем предметной комиссии.

Как бы ни был интегрирован в научно-образовательную сферу Левидов, бесспорно, что в историю он вошел, прежде всего, как журналист и публицист. В анализируемый период он активно сотрудничал с журналами «Красная новь», «Россия» («Новая Россия»), «Огонек», «30 дней», «Журналист», «За рубежом», «Леф» и «Новый Леф», «Прожектор»; газетами «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва» и пр. «Его стилистически безукоризненные статьи обращали на себя внимание политической остротой; в них сказывался литературный талант Левидова и большой его опыт как одного из самых наших

крупных журналистов»². Обладая широким творческим диапазоном, он предпочитал работать со «статейными материалами» – так тогда называли тексты неновостных жанров, в том числе художественно-публицистических.

Анализируя газетно-журнальную карьеру Левидова в начале послеоктябрьского периода, нельзя не заметить ее нового качества: согласившись работать на советскую власть, он из рядовых работников стремительно переходит в разряд руководящих, а его деятельность приобретает черты, соотносящие ее с Public Relation. Так, он становится заведующим отделом печати наркомата иностранных дел, редактирует «Вестник НКВД»³, возглавляет иностранный отдел РОСТА, а позже ТАСС, занимается созданием агентских бюро за рубежом. В том же ряду – работа Левидова во главе московской редакции берлинской газеты «Накануне» и столичного корпункта «Ленинградской правды» (Миндлин, 1979, с. 353). Не забудем и о его руководстве журналом «Экран».

Здесь логично перейти к следующей номинации нашего тест-списка – к критике. Кинокритика – ее разновидность, и, возглавляя издание о кино, не оставить в ней следа невозможно. Но чаще фильмов объектами внимания Левидова-критика были театральные постановки и литературные произведения, а статьи о них автор публиковал и в универсальной прессе, и в изданиях тех творческих группировок, к которым был близок. Однако близость эстетических принципов не означала заведомой комплементарности в отношении их художественной практики или прогнозов. Так, примкнув к «левому фронту искусств» и поддержав создание «Лефа», Левидов в дебютном номере журнала отметился публикацией с красноречивым заголовком «Лефу предостережение (Дружеский голос)». Это не что иное как пример обычной для Левидова поведенческой стратегии «против течения», которая обеспечивала ему позицию «своего среди чужих и чужого среди своих». В искусстве «чужим» доставалось изрядно: мастерски используя сарказм, иронию, аллюзию и другие приемы, он наносил болезненные уколы оппонентам и эпатировал публику: «Левидов всегда любил эпатировать. Эпатировать не только противников, но и друзей... Парадоксы были его любимым приемом» (Миндлин, 1979, с. 238). Нередко это приводило к конфликтам, даже «третьейским судам» (таковой состоялся в 1927 г. с В.Э. Мейерхольдом), но распространена была и противоположная реакция современников: «Никогда с ним не соглашаюсь и всегда рад слушать его» (Миндлин, 1979, с. 241).

А что же собственное литературное творчество? Занятия им активизировались во второй половине 1920-х гг., когда для беспартийного Левидова ушли в прошлое административные должности. Наиболее активно он проявлял себя в драматургии, легализовавшись вступлением в драмсоюзы обеих столиц⁴. Судьбы его пьес различны: некоторые с успехом шли в театрах (комедия «Азорские острова»), другие отвергались либо постановщиками («Костяк»), либо цензорами («Заговор равных» был поставлен в Камерном

² Биография М.Ю. Левидова // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3607. Л. 1.

³ Там же.

⁴ РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 33. Л. 249; Оп. 2. Д. 363. Л. 1.

театре А.Я. Таировым, но перед самой премьерой спектакль запретили) (Миндлин, 1979, с. 143). Выступал Левидов также как киносценарист («Руки прочь!», 1924; «Две дороги», 1931) и переводчик (например, в 1929 г. в соавторстве с С.Я. Алымовым предпринял попытку открыть русскоговорящему читателю «Улисса» Дж. Джойса).

1932–1942. В последнее десятилетие многие привычные сферы творчества окажутся для Левидова закрытыми. Прежде всего это коснулось теоретической деятельности, но и публицистической в значительной степени. Лишенный возможности продолжать работать так, как хотел, он был вынужден отойти на более безопасные позиции, то есть вернуться в художественную литературу: по-прежнему пишет пьесы («Аэроплан над городом», «Осторожный человек»), высказывается как критик (в «Литературной газете», «Литературной учебе», «Литературном критике», «Литературном обозрении», «Интернациональной литературе», «Современном театре», «Советском искусстве», «Знамени» и пр.). Но наиболее приемлемым форматом стала биографическая проза, в которой усиливали друг друга историк, публицист и бытописатель.

В 1936 г. вышла в печать книга Левидова, посвященная великим шахматистам В. Стейницу и Э. Ласкеру. Она стала 55-м по счету томом в серии ЖЗЛ, перевоссозданной с 1933 г. В отличие от прасновы (павленковской библиотеки), в ней особое место занимали биографии революционеров, хотя по-прежнему много было романов о писателях, ученых и пр. Но ни у Ф. Павленкова, ни в новой серии ни разу не были представлены шахматисты. Между тем для Левидова, потерявшего в 1930-е гг. многие привычные каналы коммуникации с массовым читателем, освещение шахматной повестки (не только через ЖЗЛ) стало одним из способов восстановить диалог с ним.

Но наиболее ценным произведением писателя последнего десятилетия, «вершинным явлением биографического жанра» (А.А. Аникст) является документальная книга «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях». Она состоит из 19 глав, окольцованных прологом и эпилогом. В названии глав использована анафора, в основе которой лежит фамилия английского писателя. Левидов уподобляет жизненный путь Свифта и процесс формирования его мировоззрения самому известному свифтовскому роману. Но, субъективистски перевоссоздавая реальность, автор делал это так, что эксперты квалифицировали книгу Левидова как «строгую научную в смысле фактической достоверности» (А.А. Аникст), а иногда даже упрекали ее автора в «излишней» историчности (М.С. Гус, О.С. Литовский)⁵.

Судьба книги неоднозначна. С одной стороны, она выдержала как минимум четыре издания (1939, 1964, 1986, 2008), что для произведения ее жанра, тем более написанного в непростые 1930-е гг., немало. С другой стороны, ее не раз обвиняли в «нарочитой усложненности повествования», указывали на вычурность названия, «в высшей степени сложного и претенциоз-

⁵ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Д. 791. Л. 71, 31, 11, 2.

ного»⁶. Стоит, однако, попытаться декодировать авторский месседж, усиленный этим калькированным заглавием. Свифт создал в своем произведении некий шифр, используя фантастику в литературе для фиксации реальности. Левидов делает обратное: он создает литературное произведение, в котором старается отразить не только реальную личность английского писателя, но через призму этой личности обнажить все то, что Свифт завуалировал в своих текстах. Свифт использует манипуляции с героями, чтобы остаться безнаказанным за смелость бросить вызов обществу. Он пишет для несогласных, и его литература – это способ донести до них свою точку зрения. Для этой цели он использует изогнутое зеркало литературы. А Левидов противопоставляет ему призму журналистики. Вольно пересказывая произведения и биографию Дж. Свифта, Михаил Юльевич строит свой рассказ по лекалам «литературы факта» и в параллель с ней. А освещая деятельность Свифта в контексте Английской революции XVII в., Левидов явно имеет в виду параллель с Русской революцией XX в.

Литература и журналистика не воспринимались Левидовым разными сферами жизни, одно вливалось в другое. Так оно и в реальности случилось, даже в педагогической плоскости: когда работать в институтах журналистского образования разгромленным в 1931 г. газетоведам стало невозможно, Левидов оказался востребован в Литературном институте – перед войной он вел там семинар прозы и художественного перевода.

Заключение

Обоснованность тезиса о разносторонней продуктивности Левидова и связанной с этим синкретичности его письма проиллюстрирована нами на протяжении всей его творческой эволюции. Уже на раннем ее этапе (1914–1917) мы зафиксировали авторскую активность в области литературы, критики и газетной журналистики. В зрелости (1918–1931) к этим сферам прибавились наука и педагогика, а критическая деятельность достигла уровня «цветущей сложности» за счет расширения диапазона креативных отраслей, в которых Левидов блестяще реализовался. Но в последнее десятилетие (1932–1942) сфера приложения его творческой энергии была вынужденно сужена: теоретические работы прекращены, а практическая деятельность сфокусирована на литературном творчестве. Тем не менее в свернутом виде все «утраченное» и «прерванное» давало о себе знать, проявляясь как раз усилением синкретичности текстов, выходявших из-под пера писателя.

Список литературы

- Березницкий Я.А. Левидов Михаил Юльевич // Краткая литературная энциклопедия: в 9 томах. Том 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 07.08.2023).
- Елина Е.Г., Раева А.В. Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 219–224. <http://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224>

⁶ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Д. 791. Л. 2.

- Левидов М.Ю.* Информация в советской прессе (к постановке проблемы). М.: Издание РОСТА, 1925. 37 с.
- Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в России. Т. 1. Дипломатическая подготовка. Ленинград: Прибой, 1925. 181 с.
- Левидов М.Ю.* Человек и кино: эстетико-социологический этюд. М.: Кинопечать, 1927. 112 с.
- Миндлин Э.Л.* Необыкновенные собеседники: литературные воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советский писатель, 1979. 559 с.
- Привалов В.З.* От «школы журнализма» до факультета журналистики (руководящая роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в формировании системы подготовки кадров советской печати) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1982. № 1. С. 10–21.
- Фатеева И.А.* Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя: монография. М.: МПГУ, 2020. 388 с.
- Фатеева И.А.* Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 64–72.
- Фатеева И.А.* Среднее специальное образование для журналистов: российский опыт // Медиаобразование. 2008. № 1. С. 35–45.

Сведения об авторах:

Фатеева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Центра проектной деятельности, Московский политехнический университет, Российская Федерация, 107023, Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38. ORCID: 0000-0003-2119-2120. E-mail: fateevafia@gmail.com

Гаврилов Александр Сергеевич, аспирант, кафедра журналистики и медиакоммуникаций, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0009-0009-6300-6999. E-mail: alexander.gaw@ya.ru